

Вопросъ о привидѣніи въ медицинскомъ журналѣ. Въ июльской тетради Journal of mental science, издаваемомъ извѣстными англійскими невропатологами Тьюкомъ и Саведжемъ, помѣщена весьма любопытная во всѣхъ отношеніяхъ статья м-ра Gau подъ заглавіемъ «Анализъ и критическая оцѣнка разсказа портретиста м-ра Н». Дѣло идетъ о разсказѣ, помѣщенномъ недавно въ «Ребусѣ». Портретистъ, какъ припомнятъ читатели, нарисовалъ портретъ одной умершей дѣвушки изъ совершенно незнакомаго ему семейства. По словамъ живописца, онъ три раза встрѣчался съ ея призракомъ, и призракъ этотъ будто бы принесъ ему портретъ (портретъ дѣвушки за нѣсколько времени до этого какимъ то не совсемъ понятнымъ образомъ исчезъ изъ альбома ея родителей). По призраку и его якобы принесенному имъ портрету м-ръ Н. и нарисовалъ портретъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ № «Ребуса» мы дадимъ подробный анализъ статьи, такъ какъ статья эта можетъ служить хорошимъ образцомъ той манеры, съ которой наши научные противники обращаются съ матеріаломъ подобнаго рода. Едва ли нужно говорить, что мы безконечно далеки отъ голословнаго утвержденія реальности всѣхъ разсказовъ подобнаго рода. Въ научномъ отношеніи случай этотъ совершенно слабъ по недостаточности доказательности и плохому разслѣдованію фактовъ. Но любопытно, что м-ръ Gau считаетъ многие факты доказанными и объясняетъ ихъ либо «удивительными стеченіями обстоятельствъ», либо «разстроеннымъ воображеніемъ» художника. Къ разсказу этому, какъ извѣстно, написалъ небольшое предисловіе покойный Диккенсъ.

Обманы чувствъ. Соч. г-на Кандинскаго. Русскій авторъ (ординаторъ душевной больницы св. Николая Чудотворца въ Спб.) только что напечаталъ въ Берлинѣ на нѣмецкомъ языкѣ первую и вторую части (этюды) своего капитальнаго труда, подъ заглавіемъ Kritische und Klinische Beobachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen. I und II studien. 170 стр. in 8° (краткое предварительное сообщеніе, содержащее въ себѣ резюме работы, было напечатано авторомъ въ «Мед. Обозрѣніи» 1885 г., № 3). Для психистовъ имѣетъ огромное значеніе теорія субъективныхъ патологическихъ галлюцинацій. Вслѣдствіе чего мы вскорѣ познакоимъ читателей съ выводами автора. (Русская наука обязана уже г-ну Кандинскому переводомъ физич. психологіи Вундта и популярными «Психологическими этюдами»).

Смерть Карпентера. Психизмъ понесъ тяжелую потерю: въ Лондонѣ скончался на 72 г. жизни знаменитый авторъ «Основъ физиологіи ума» и мн. др. классическихъ сочиненій по микроскопіи, физиологіи, зоологіи и т. д.

Краткія замѣтки.

— По послѣднимъ полученнымъ нами свѣдѣніямъ пріѣздъ извѣстнаго медиума м-ра Енглингтона въ Москву окончательно назначенъ на 4 января.

— Г. Гессманъ, усовершенствовавшій гипноскопъ Охоровича, въ настоящее время изобрѣлъ въ Вѣнѣ *эмануляторъ* — медиумическій аппаратъ, на которомъ въ присутствіи медиума получаютъ цѣлыя фразы безъ прикосновенія къ самому аппарату. Ожидаемъ отъ г. Гессмана большихъ подробностей объ этомъ интересномъ аппаратѣ.

— Намъ сообщаютъ изъ Тамбова о кружкѣ, образовавшемся для наблюденія надъ медиумизмомъ. Явленія пока еще очень слабы, но постепенно и довольно быстро усиливаются, подавая надежду на полное развитіе въ ближайшемъ будущемъ.

— «Петербургскій Листокъ» сообщаетъ новый фактъ изъ таинственнаго, какъ онъ выражается.

«Умеръ одинъ изъ офицеровъ одного полка, и въ ту же самую ночь тѣнь этого офицера является во снѣ его другу и пріятелю. Когда оставшійся въ живыхъ офицеръ Константинъ

спросилъ во снѣ тѣнь своего пріятеля, умершаго офицера Антона, затѣмъ онъ пришелъ къ нему съ того свѣта, то тѣнь отвѣчала, что пришла за нимъ, ибо теперь его очередь отправиться къ праотцамъ, и затѣмъ мгновенно исчезла.

Офицеръ проснулся. Сонъ этотъ произвелъ на него крайне тяжкое и непріятное впечатлѣніе. Онъ былъ весь покрытъ холоднымъ потомъ. Объ этомъ обстоятельствѣ онъ утромъ сообщилъ почти всѣмъ своимъ товарищамъ, не скрывши отъ нихъ и своего непріятнаго по поводу этого сна впечатлѣнія. Затѣмъ, на третій день состоялись похороны умершаго офицера. Хоронили его соборно, нѣсколько священниковъ; всѣ они произносили молитвы, упоминали новопредставленнаго боярина „Антонъ“; но почему-то одинъ изъ священниковъ, произносившій въ послѣдній разъ имя усопшаго, передъ самымъ выносомъ гроба, ошибся и назвалъ новопредставленнаго бояриномъ „Константиномъ“.

Эта случайная оговорка священника, сдѣланная въ присутствіи офицеровъ всего полка и того изъ нихъ, которому тѣнь умершаго уже являлась во снѣ ночью, произвела ужасное впечатлѣніе на послѣдняго. Послѣ этого онъ замѣтно загрустилъ, сталъ видимо чахнуть и, находясь подъ этимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, вскорѣ отдалъ и самъ Богу душу“.

Мы знаемъ лично брата покойнаго, а также и имена всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, но считаемъ излишнимъ называть ихъ, такъ какъ не придаемъ этому факту большаго значенія: все разсказанное легко могло быть не болѣе какъ случайность, и смерть втораго офицера послѣдовать отъ вреднаго вліянія на его организмъ того тяжелаго впечатлѣнія, подъ которымъ онъ находился послѣ видѣнія и ошибки священника. Заносимъ же этотъ случай въ нашу хронику лишь потому, что всегда рады, когда описаніе подобныхъ фактовъ появляется на страницахъ другихъ изданій.

— Въ пятницу, 27 декабря въ помѣщеніи нашей редакціи г. Фельдманъ далъ первый свой сеансъ внушенія мыслей и опытовъ гипнотизма для представителей петербургской прессы. 28 декабря въ Маломъ театрѣ состоялся второй сеансъ г. Бишопъ, въ программу котораго вошли антииспиритическіе опыты съ цѣлью разоблаченія медиумическихъ явленій. Номеръ нашего журнала такъ рано готовится къ печати, что въ настоящую минуту мы не можемъ уже отвести въ немъ мѣсто для отчетовъ объ этихъ сеансахъ. Пополнимъ этотъ пробѣлъ въ слѣдующемъ №.

ПЕЩЕРА ОЗЕРКОВЪ.

Разсказъ «Радда-Бай»¹⁾

(Посвящается Н. А. Фадѣевой).

Въ одной изъ сѣверныхъ губерній—«не столь отдаленныхъ» — Россійской Имперіи, недалеко отъ небольшого заводскаго городка—пожалуй что и въ Сибирѣ—случилась лѣтъ тридцать—а можетъ и всѣ пятьдесятъ—тому назадъ, такая трагедія, о какой не приснилось бы и древнимъ классикамъ. Эдгаръ Поэ создалъ бы изъ сюжета одну изъ своихъ безсмертныхъ сказокъ. Я же—оставляю его просто тѣмъ, чѣмъ онъ и есть—былью. Вслѣдствіе этого, въ ней не найдется ничего фивейскаго, кромѣ именъ. Въ Петербургѣ живы до сей поры родственники «Изверцовыхъ»; слѣдовательно, замѣна ихъ фамилій другими, имѣетъ свое логическое *raison d'être*.

Теперь приступимъ къ разсказу.

I.

Верстахъ въ шести или семи отъ города П—, знаменитаго дикой прелестью и величіемъ его лѣсистыхъ горъ, богатствомъ рудниковъ, какъ и миллионерами заводчиками, стоялъ, какъ сказано, съ полъ

¹⁾ Автора «Изъ пещеръ и дебрей Индостана», «Дурбаръ въ Лахорѣ», «Загадочныя племена» и проч.

вѣка тому назадъ аристократическій и красивый домъ. Его обитатели состояли изъ самого владѣльца, богатаго пожилаго холостяка, и его брата — вдовца и родителя двухъ сыновей и трехъ дочерей. Всѣмъ было извѣстно, что хозяинъ и владѣлецъ «Озерковъ», или какъ его звали «старикъ Изверцовъ» — усыновилъ дѣтей младшаго брата, а старшаго изъ нихъ, своего любимца Николая, давно уже сдѣлалъ законнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ своего благопріобрѣтеннаго и весьма значительнаго состоянія.

Года мирно проходили въ красивомъ загородномъ домѣ. Дядя старѣлъ, а племянникъ достигалъ совершеннолѣтія. Дни чередовались въ тихомъ однообразіи, и солнце свѣтило на дружную большую семью съ высоты безоблачнаго неба, когда вдругъ на его небосклонѣ показалось въ видѣ свѣтлаго пятнышка небольшое облачко. Въ одинъ злосчастный день одной изъ племянницъ старика Изверцова вздумалось учиться играть на цитрѣ. Такъ какъ цитра инструментъ чисто тевтонскаго происхожденія и учителей на ней ни въ окрестностяхъ, ни въ городѣ П — не оказалось, то, желая побаловать племянницу, снисходительный дядюшка послалъ за обоими въ Петербургъ. Послѣ долгихъ поисковъ, даже въ самой столицѣ нашелся только одинъ учитель на цитрѣ, готовый переѣхать въ такое близкое сосѣдство съ Сибирью. То былъ старый саксонскій профессоръ, артистъ, раздѣлявшій всю свою нѣжность, которой его одарила природа, между своимъ инструментомъ и хорошенькой блондинкой дочерью, не желавшій разставаться ни съ тѣмъ, ни съ другою. Такимъ образомъ, случилось, что въ одно прекрасное зимнее утро, старый профессоръ, съ цитрой въ футлярѣ подъ одной рукою, и съ хорошенькой Минхенъ подъ другою, явился у воротъ «Озерковъ» и былъ принятъ съ распростертыми объятіями всѣмъ семействомъ Изверцовыхъ.

II.

Съ этого роковаго дня, свѣтлое облачко стало быстро темнѣть и увеличиваться, ибо — какъ говорили наши предки — каждый звукъ мелодичнаго инструмента будилъ отвѣтное эхо въ сердцѣ стараго холостяка. Музыка, говорятъ, располагаетъ къ любви; и вотъ, работа, начатая цитрой, была доведена до конца голубыми глазами Минхенъ. По окончаніи перваго полугодія племянница сдѣлалась артисткой на цитрѣ, а дядя оказался до безумія влюбленнымъ.

Въ одно весеннее утро, собравъ усыновленное имъ семейство брата вокругъ себя, онъ обнялъ и разцѣловалъ каждаго изъ членовъ его поочередно, съ большою чувствительностью и слезами радости на глазахъ; обѣщалъ не забывать ихъ въ своемъ завѣщаніи и закончилъ все объявленіемъ своего неизмѣннаго рѣшенія жениться на голубоокой Минхенъ. Послѣ этого, въ видѣ финальнаго *tableau*, онъ упалъ каждому изъ нихъ на шею и, проливъ въ нѣмомъ восторгѣ еще нѣсколько добавочныхъ слезъ, выпроводилъ ихъ всѣхъ изъ своей комнаты и заперъ дверь. Родная семья, понявъ, что наслѣдство у нея ускользнетъ изъ подъ носу, также пролила слезы, но должно полагать отъ другой причины.

Впрочемъ, поплакавъ, всѣ болѣе или менѣе утѣшились и даже старались искренно возрадоваться, потому что старика Изверцова не только родные, но и всѣ чужіе отъ души любили и уважали. Только не всѣ возрадовались. Николай, самъ влюбленный по уши въ

хорошенькую нѣмку, утративъ такимъ образомъ въ одинъ день и предметъ сердца, и все состоянія дяди, не только не возрадовался, но даже не пожелалъ утѣшиться. Онъ исчезъ изъ дому и не возвращался до слѣдующаго утра.

Между тѣмъ, Изверцовъ распорядился, чтобы на другое утро ему былъ приготовленъ его семейный дорожный дормезъ. Въ людской и въ дѣвичьей шептали, будто старый баринъ отправлялся въ далекій губернскій городъ, съ цѣлю измѣнить духовное завѣщаніе. Главная часть богатства Изверцова находилась въ процентныхъ бумагахъ, которыми никто не зналъ счета, такъ какъ старикъ всегда самъ занимался своими дѣлами и счетными книгами. Въ тотъ же вечеръ, домашніе слышали, какъ онъ послѣ ужина распечаталъ въ кабинетѣ своего камердинера, служившаго ему болѣе тридцати лѣтъ. Человѣкъ этотъ, по имени Иванъ, чрезвычайно привязанный къ своему барину, выросъ въ семьѣ и былъ крестникомъ отца Изверцова.

Нѣсколько дней спустя, когда первое дѣйствіе разсказываемой мною трагедіи, свершившись, наполнило домъ жандармами и полицейскими чиновниками, слѣдствіе открыло, что въ ту ночь Иванъ былъ пьянъ; что старый Изверцовъ, нетерпѣвшій этого порока, отеческимъ образомъ вздулъ его за это нагайкой и вытолкалъ вонъ, и что Ивана видѣли въ корридорѣ, посылающаго по направленію двери барскаго кабинета угрозы словомъ и даже — кулакомъ.

III.

На обширныхъ земляхъ дачи Изверцова, «Озеркахъ» находилась замѣчательная пещера, обращающая вниманіе всѣхъ, кто ее посѣщалъ. — Она существуетъ и до сего дня, и вѣроятно жители П —, прочитавъ о ней, узнаютъ ее. Густой сосновой лѣсъ, начинавшійся почти у садовой калитки, разстился, уходя въ гору крутыми террасами до самаго подножія длиннаго ряда скалъ съ пещерами, вѣнчающихъ острымъ гребнемъ вершину холма; а затѣмъ покрывалъ послѣдній почти непроходимой лѣсной чащей съ невылазными въ ней въ добавокъ, болотами. Такъ какъ этотъ путь представлялъ большія неудобства, то желавшіе посѣтить интересную пещеру отправлялись на верхъ горы инымъ путемъ. Почти на серединѣ склона холма, на сторонѣ, обращенной къ задней части дачи — находился пространный гротъ, ведущій цѣлымъ рядомъ подземныхъ пещеръ на верхъ горы. Входъ въ него былъ въ полуверстѣ, а по прямой линіи не болѣе полъ сотни саженой отъ дома; такъ что съ балкона легко было узнать всякаго подходящаго къ гроту посѣтителя, тѣмъ болѣе что лѣсъ былъ нарочно для этого вырубленъ кругомъ входа, а мѣстность очищена. Въ самой глубинѣ довольно пространнаго и еще свѣтлаго грота находится небольшой корридоръ, пройдя который, открывается огромная высокая пещера, озаряемая слабымъ свѣтомъ, проникающимъ черезъ расщелины свода на высотѣ болѣе 50 футовъ. Пещера такъ велика, что легко помѣщается въ себѣ отъ 2, до 3,000 человѣкъ посѣтителей; часть ея, умощенная гранитными плитами и легко превращаемая въ танцевальную залу, служила часто приманкой городскимъ жителямъ для пикниковъ и праздниковъ. Неправильной овальной формы глубина пещеры, постепенно суживаясь, оканчивалась, какъ и первый гротъ, корридоромъ. Корридоръ этотъ имѣлъ не нѣсколько шаговъ длины, а уходилъ на огромное пространство въ гору, прерывае-

мый другими пещерами, столь же обширными, только менѣе проходимыми, нежели «танцевальная зала». Всѣ, кромѣ первой, наполнены водою и ихъ можно было переѣзжать только на лодкѣ. Эти природные бассейны пользовались репутаціей бездонныхъ колодезѣй и назывались обыкновенно «Озерками» — откуда и названіе самой дачи, а также и пещеръ. Но первая за гротомъ носила двойное и въ обоихъ случаяхъ подходящее къ ней и весьма характерное названіе: въ семействѣ Изверцовыхъ ее звали «Пещерой эхо», а въ простонародьи — «Чертовой глоткой».

Въ ней тоже былъ бездонный колодезь или озерцо. Но онъ находился въ самой глубинѣ ея, тщательно окруженный каменнымъ парапетомъ, на которомъ были устроены удобныя высѣченныя изъ гранита сидѣнія, и на безопасномъ разстояніи отъ вымощеннаго пола, а поэтому и отъ пляшущихъ, когда таковыя являлись. Съ обѣихъ сторонъ сѣуживающагося овала, въ стѣнахъ были также устроены — иногда ярусами — сидѣнія, изъ которыхъ можно было смотрѣть какъ изъ ложъ на танцующихъ и прислушиваться къ странному явленію, происходящему иногда въ пещерѣ.

Въ ней раздавалось эхо самаго феноменальнаго характера, пробуждаемое малѣйшими звуками, особенно со стороны бассейна, напротивъ корридоровъ. Произнесеннаго шопотомъ слова, легкаго вздоха было достаточно, чтобы на него сперва разомъ, а затѣмъ и одинъ за другимъ откликнулось несчетное число насмѣшливыхъ голосовъ, которые, вмѣсто того чтобы постепенно дѣлаться слабѣе и замирать вдали, по обычаю всякаго благонамѣреннаго эхо, — съ каждымъ новымъ повтореніемъ слова или звука становились все громче и ужаснѣе, пока, достигнувъ своего *crescendo*, словно выпаливъ изъ пистолета, они удалялись, замирая въ самой глубинѣ корридоровъ и наконецъ обрывались долгимъ, жалобнымъ, неземнымъ стономъ...

Въ вечеръ того дня, когда старикъ Изверцовъ объявилъ о своемъ рѣшеніи вступить въ бракъ, онъ за ужиномъ сообщилъ домашнимъ о своемъ намѣреніи дать въ пещерѣ въ день своей свадьбы большой балъ, и тутъ же назначилъ для этого одинъ изъ ближайшихъ дней. На слѣдующее утро, приготовляясь къ отъѣзду, многіе видѣли, какъ, направляясь по дорогѣ къ гроту, онъ вошелъ въ него вмѣстѣ съ Иваномъ. Полъ часа спустя, слуга вернулся домой за табакеркою, забытой бариномъ въ кабинетѣ и бѣгомъ побѣжалъ снова къ пещерѣ. А часъ спустя, весь домъ былъ поднятъ на ноги его дикими воплями. Блѣдный, дрожа, какъ осиновый листъ, и съ водой, льющей съ него цѣлыми ручьями, Иванъ бѣжалъ въ гостинную, какъ безумный, и объявилъ господамъ, что его барина, оставленнаго имъ въ первой пещерѣ, сидящимъ у парапета, не было нигдѣ, ни въ гротѣ, ни въ корридорахъ. Страшась, не упалъ ли баринъ въ воду, Иванъ, не снимая платья нырнулъ въ первый бассейнъ и чуть не утонулъ въ немъ самъ...

День прошелъ въ тщетныхъ розыскахъ Изверцова — живаго либо мертваго. Но ни самъ онъ, ни его тѣло нигдѣ не нашлось. Полиція наполнила весь домъ, все опечатали, и многіе были заарестованы по подозрѣнію. Громче другихъ, въ своемъ неутѣшномъ отчаяніи, рыдалъ Николай, вернувшійся только къ вечеру, когда ему и сообщили страшное извѣстіе.

Недобрая тѣнь легла на Ивана, — тѣнь сильнаго подозрѣнія. Наканунъ онъ былъ поколоченъ бариномъ за пьянство и, видимо, остался недоволенъ

наказаніемъ, даже бормоталъ угрозы. Онъ одинъ со-
путствовалъ ему въ пещеры, и при обыскѣ нашли подъ изголовьемъ его постели, въ занимаемомъ имъ чуланѣ, кованную, наполненную семейными драгоценностями шкатулку, которую старикъ Изверцовъ всегда хранилъ у себя въ комнатѣ, въ шкафу подъ образами, подъ ключемъ, никогда непокидавшимъ его. Напрасно божился Иванъ, призывая Бога и всѣхъ святыхъ свидѣтелями, что эту шкатулку онъ получилъ утромъ отъ самого барина, за нѣсколько минутъ до того, какъ послѣднему вздумалось передъ отъѣздомъ взглянуть на «балную залу». Что эта шкатулка была сдана ему съ рукъ на руки, чтобы ее уложить въ дормезъ. Баринъ собирался, какъ онъ смекнулъ, передѣлать въ городѣ брильянты за ново для подарка невестѣ, и что онъ, Иванъ, съ радостью отдалъ бы свою жизнь за жизнь любимаго барина, когда бы только онъ зналъ, какъ это сдѣлать. Но Ивана никто не слушалъ, и бѣдный слуга, заподозрѣнный въ убійствѣ, былъ посаженъ по распоряженію полиціи въ острогъ. Въ тѣ далекія времена несознававшегося преступника нельзя было приговаривать къ наказанію, и не было, по одному подозрѣнію, ни «лишеній всѣхъ правъ» ни ссылки, а тѣмъ болѣе каторги.

Такъ бѣдный Иванъ и остался въ острогѣ, до добровольнаго сознанія.

Когда прошла цѣлая недѣля въ тщетныхъ поискахъ, то осиротѣвшее семейство облачилось въ глубокий трауръ, отслужило торжественную панихиду, и приступило къ приготовленіямъ вскрытія духовной. Какъ всѣ того и ожидали, духовное завѣщаніе осталось безъ всякой приписки, и все состояніе покойнаго движимое и недвижимое перешло къ его наслѣднику, Николаю.

Старикъ профессоръ съ хорошенькой дочерью, испытавшіе столь внезапный поворотъ фортуны отъ блестящихъ надеждъ къ полному разочарованію, съ чисто саксонской флегмою, приготовились къ возвратному пути въ столицу. Унося цитру подъ правой и уводя Минхенъ подъ лѣвою рукою, старикъ собирался уже садиться въ тарантасъ, когда Николай, побѣдивъ сильное овладѣвающее имъ, послѣ смерти дяди, волненіе при каждой встрѣчѣ съ нѣмочкой, вдругъ рѣшился и предложилъ профессору себя вмѣсто покойнаго дяди. Перемѣна декорацій, повидимому, понравилась Минхенъ и не нашла затрудненій со стороны стараго артиста. Тихо и скромно, далеко до окончанія траура, молодые люди были обвѣнчаны и все пошло по прежнему въ старомъ домѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАПЛЯ КРОВИ.

(Разсказъ Юкая).

днажды знаменитому профессору Пештскаго университета, извѣстному доктору К., пришлось, не смотря на болѣе чѣмъ ранній утренній часъ, принять немедленно нетерпѣливаго посѣтителя, который, ожидая въ пріемной, велѣлъ доложить доктору, что каждая минута замедленія грозитъ ему неминуемой опасностью, вслѣдствіи чего К. поспѣшно надѣлъ халатъ и приказалъ просить больнаго въ кабинетъ. Вошелъ совершенно незнакомый ему господинъ, но, судя по манерамъ и одеждѣ, принадлежавшій къ лучшему обществу. Блѣдное лицо его носило слѣды страшныхъ физическихъ и нервныхъ стра-

ПЕЩЕРА ОЗЕРКОВЪ.

Разсказъ «Радда-Бай»¹⁾

(Посвящается Н. А. Фадзевой).

IV.

Прошло десять лѣтъ. Мы застаемъ счастливое семейство въ полномъ комплектѣ въ Озеркахъ и даже съ прибавленіемъ одного новаго члена. Хорошенькая Минхенъ потолстѣла и обрзгла со дня исчезновенія дяди; Николай сдѣлался угрюмымъ домо-сѣдомъ, измѣнивъ постепенно всѣ свои вкусы и привычки. Многіе удивлялись въ немъ такой перемѣнѣ, потому что никто не видѣлъ его теперь веселымъ, не подмѣчалъ даже простой улыбки на его лицѣ. Казалось будто всѣ стремленія его жизни, всѣ надежды и желанія сосредоточились на одномъ: на пожирающемъ его желаніи отыскать убійцу дяди, другими словами заставить Ивана сознаться въ преступленіи, но сибирякъ не поддавался, а божился, какъ и въ первый день, что онъ невиненъ.

Единственный сынъ родился у юной четы въ первый годъ брака, и странный то былъ ребенокъ — «совсѣмъ чудной!» — говорили няньки. Крошечный, слабенькій, вѣчно больной, его младенческая жизнь казалась всегда висѣла на тончайшей ниткѣ. Но все это было бы еще ничего, когда бы не прибавилось къ этому самаго удивительнаго сходства ребенка съ двоюроднымъ дѣдомъ. Когда лицо мальчика оставалось спокойнымъ, то это сходство становилось до того поразительнымъ, что всѣ въ семействѣ, глядя на него, въ какомъ то суевѣрномъ ужасѣ отшатывались зачастую отъ невиннаго крошки, какъ бы отъ ядовитой змѣи. Съ годами сдѣлалось еще хуже. То было блѣдное, сморщенное лицо шестидесяти-лѣтняго старика на плечахъ девяти-лѣтняго дитяти. Онъ никогда не игралъ, никогда не смѣялся; а посаженный на свое высокое дѣтское креслицѣ онъ важно и не двигаясь сидѣлъ въ немъ по цѣлымъ часамъ, сложивъ руки особеннымъ, привычнымъ одному покойному Изверцову, образомъ и такъ и оставался въ немъ, неподвижный, молчаливый и дремлющій... Часто, по ночамъ, нянька, взглянувъ на него, поспѣшно крестилась и украдкой окропляла его святой водою; и ни за что, ни одна изъ нихъ еще не соглашалась спать съ нимъ въ дѣтской одной, а требовала двухъ или трехъ горничныхъ себѣ въ подмогу...

Поведеніе съ нимъ его отца казалось еще страннымъ. Онъ любилъ сына страстно, ревниво, безумно, и въ одно и то же время казалось смертельно его ненавидѣлъ. Онъ рѣдко ласкалъ или бралъ ребенка на руки; а сидя напротивъ сгорбившейся, старообразной и болѣзненной дѣтской фигурки, онъ бывало просиживалъ долгіе часы, не спуская съ него широко раскрытыхъ, полныхъ нѣмого ужаса глазъ, ни разу не отвернувъ отъ него своего блѣднаго, будто съ застывшимъ неразгаданнымъ вопросомъ на немъ — лица... Со дня своего рожденія, мальчикъ никогда не выѣзжалъ изъ Озерковъ и, кромѣ семейства Николая Изверцова, почти никто изъ постороннихъ знавшихъ старика дядю, не видалъ еще ребенка.

Минхенъ, не замѣчая ничего необычнаго въ своемъ сынѣ, любила его по своему, раздѣляя все дарованное ей природою чувство между сыномъ и сладкими печенками, на которыя она была большой масте-

рицею. Со дня рожденія сына Николай охладѣвалъ къ ней съ каждымъ днемъ, пока видимо не сталъ тяготиться ея пухленькой особою и даже избѣгать ея, гдѣ только могъ. Но голубоокая Минхенъ ничего этого не замѣчала, и розы на ея пышныхъ щекахъ рдѣли по прежнему, даже болѣе прежняго: розы превратились въ піоны, и она казалась еще спокойнѣе и довольнѣе прежняго.

Впродолженіе шести и болѣе лѣтъ, Изверцовы никого почти не принимали. Въ первые два года женитьбы брата, двѣ изъ его трехъ сестеръ вышли замужъ, а братъ уѣхалъ служить въ свой полкъ въ дальнюю губернію. Оставались два старика — братъ покойнаго, да артистъ на цитрѣ, и меньшая сестра Изверцова, не ладившая съ Минхенъ и проводившая почти все свое время въ городѣ П —, у замужней сестры.

Къ тому времени, пріѣхалъ въ тѣ страны нѣкій обратившій на себя вниманіе всей губерніи иностранецъ. То былъ богатый, какъ говорили, венгерецъ, знаменитый путешественникъ и эксплуататоръ невѣдомыхъ странъ во всѣхъ частяхъ свѣта и проведеншій нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ въ средней Азіи и на сѣверѣ въ Сибири. Обѣздивъ всю губернію, онъ заѣхалъ наконецъ «на нѣсколько дней», какъ говорили въ П —, и очень неожиданно тамъ и поселился. Ему сопутствовалъ отталкивающаго, мрачнаго вида шаманъ, надъ которымъ, какъ рассказывали, графъ экспериментировалъ и дѣлалъ магнетическіе опыты. Онъ давалъ большіе обѣды и балы, имѣлъ открытый, веселый домъ и гдѣ бы ни былъ, дома ли у себя, или въ гостяхъ, онъ всюду бралъ съ собою и выставлялъ на показъ своего шамана, которымъ онъ видимо очень гордился и крѣпко берегъ. Весь городъ былъ отъ него безъ ума, а между прочими дамами и сестры Николая Изверцова.

Въ одинъ теплый, лѣтній день, жители города П —, или правильнѣе его аристократія, подъ предводительствомъ двухъ упомянутыхъ дамъ, сдѣлали неожиданный набѣгъ на Озерки, и къ великому смущенію Николая потребовали отъ него дозволенія воспользоваться его «бальной залой» въ пещерѣ для пикника, который графъ намѣревался окончить веселымъ баломъ. Въ присутствіи сестеръ и столькихъ хорошихъ, давно не виданныхъ имъ друзей и знакомыхъ, Николай нашелъ невозможнымъ отказать гостямъ въ ихъ просьбѣ. Всѣ замѣтили, какъ онъ страшно поблѣднѣлъ при имени «пещеры Эхо», и какъ задрожали его крѣпко сжатые губы. Но знавшіе печальную участь, постигнувшую старика Изверцова въ «Чертовой Глоткѣ» — очень деликатно воздержались отъ всякаго замѣчанія и только искренно пожалѣли о молодомъ человѣкѣ, такъ долго горюющемъ о любимомъ дядѣ.

Николай далъ согласіе и предоставилъ пещеру въ полное распоряженіе Венгерскаго путешественника. Еще труднѣе оказалось уговорить его присутствовать на веселомъ праздникѣ. Но графъ успѣлъ и въ этомъ. Казалось, будто съ первой минуты таинственный мадьяръ пріобрѣлъ власть надъ Изверцовымъ. Глаза послѣдняго не отрывались отъ высокой, статной фигуры магнетизера; и въ первый разъ въ послѣдніе десять лѣтъ домашніе увидали на постоянно суровомъ лицѣ Николая нѣчто въ родѣ улыбки при разговорѣ съ иностранцемъ.

V.

Въ назначенный день пещера, съ ея бездоннымъ озеромъ, высѣченными въ стѣнахъ ложами и платформой

¹⁾ См. № 1.

для танцевъ, — горѣла, залитая безчисленными огнями. Сотни восковыхъ свѣчъ и факеловъ, разноцвѣтныхъ фонарей и лампъ освѣщали мохомъ поросшіе темные уголки, годами не выдавшіе не только дневного, но и искусственного свѣта. Глубокія тѣни прогонялись изъ всѣхъ расщелинъ, а съ ними улетали и стаи испуганныхъ свѣтомъ совъ и летучихъ мышей. Сталактиты сіяли на стѣнахъ тысячами радужныхъ огней; а спящее эхо, внезапно разбуженное веселымъ смѣхомъ и разговорами, тѣтено дрожало и выло, хохотало и стонало — никто не пугался въ такой шумной толпѣ и скоро перестали даже обращать на него вниманіе.

Шаманъ, котораго венгерецъ никогда ни на минуту не выпускалъ изъ виду, сидѣлъ въ состояніи обычнаго *транса*, недалеко отъ своего друга и патрона. Сидя на корточкахъ, въ нишѣ, находящейся на полъ-дорогѣ между главнымъ входомъ и бассейномъ скалы, съ его желто-лимоннаго цвѣта, сморщеннымъ лицомъ, узкими глазами, плоскимъ носомъ и рѣденькой бородкой, шаманъ походилъ скорѣе на уродливаго идола, нежели на человѣческое существо. Около него толпились многіе — мужчины и дамы, проси неустанно «погадать». Венгерецъ никогда не отказывалъ; просилъ тотчасъ-же предложить шаману вопросъ, мысленный или какой угодно, и всякій получалъ — по всеобщему увѣренію — «безошибочный» отвѣтъ.

Вдругъ молодая дама, жена одного изъ крупныхъ сановниковъ, обратила вниманіе присутствующихъ, что старикъ Изверцовъ, пропавшій такъ таинственно десять лѣтъ тому назадъ, исчезъ именно въ этой самой пещерѣ. Венгерецъ, видимо заинтересованный загадочнымъ происшествіемъ, пожелалъ узнать большія подробности. Въ толпѣ гостей розыскали Николая и привели къ амфитрону праздника. Онъ былъ владѣльцемъ пещеры и Озерковъ, племянникомъ погибшей жертвы и нашелъ невозможнымъ отказать столькимъ гостямъ въ ихъ просьбѣ. Онъ повторилъ всѣ подробности ужаснаго событія дрожащимъ голосомъ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и не могъ при концѣ разсказа удержать судорожнаго рыданія. Оно ему сжало горло, и нѣсколько тяжелыхъ жгучихъ слезъ скатилось изъ его лихорадочно блестящихъ глазъ. Всѣ были сильно тронуты. Дамы вытирали глаза батистовыми платочками, мужчины кашляли, чтобъ скрыть волненіе; и не было конца симпатичнымъ замѣчаніямъ, искреннимъ похваламъ поведенію любящаго, благодарнаго племянника такъ свято чтущаго память дяди и благодѣтеля. Вдругъ среди скромно изъясняемой Николаемъ признательности, за доброе мнѣніе о немъ, голосъ его внезапно оборвался, глаза чуть не выскочили изъ широко раскрытыхъ вѣкъ и съ худо-подавленнымъ стономъ, онъ внезапно подался вслѣдъ корпусомъ назадъ... Глаза цѣлой толпы устремились съ любопытствомъ и безпокойствомъ по направленію его безумно испуганнаго взора и не могли открыть ничего, что бы могло его такъ поразить. Ничего... Кромѣ маленькаго старообразнаго худенькаго личика, пугливо выглядывавшаго изъ за спины венгерца.

— «Откуда ты могъ явиться!... Кто пустилъ тебя сюда?... Кто смѣлъ безъ моего позволенія?...» бормоталъ Николай, съ лицомъ блѣднѣе смерти.

— «Я уже лежалъ въ постелѣ, папа; онъ пришелъ ко мнѣ, взялъ и... принесъ сюда на рукахъ», — просто отвѣчалъ мальчикъ, показывая на шамана, возлѣ котораго онъ стоялъ на скалѣ, тотъ же сидѣлъ съ закрытыми

глазами, мѣрно покачиваясь со стороны на сторону, словно часовой маятникъ.

— «Это очень странно», — замѣтилъ одинъ изъ гостей. «Когда же это шаманъ его могъ принести, когда онъ во весь вечеръ не сходилъ съ своего мѣста!»

— Мать, Пресвятая Богородица!.. воскликнула, освѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, одна изъ городскихъ старожилокъ, старая знакомая Изверцовыхъ. — «Да это вылитый покойникъ!.. взгляните вы на это сходство, Иванъ Михайловичъ!..»

И она нервно дергала за рукавъ фрака другаго стараго пріятеля Изверцова.

— «Ты лжешь, скверный мальчишка! свирѣпо закричалъ отецъ. — Пошелъ сейчасъ домой спать, здѣсь тебѣ не мѣсто, слабому и больному», — добавилъ онъ, внезапно понижая голосъ.

— «Не сердитесь, дорогой хозяинъ!» ласково вмѣшался венгерецъ, съ загадочнымъ выраженіемъ на смугломъ лицѣ и крѣпко обнимая ребенка рукою. — «Не браните этого крошку; онъ не виноватъ и говоритъ одну правду. Малютка видѣлъ двойникъ моего шамана, всегда безъ своего футляра разгуливающій на свободѣ — и принялъ весьма натурально *призракъ* за самого человѣка. Оставьте его немного съ нами. Я ручаюсь, что это не повредитъ его здоровью...»

Услышавъ такое странное объясненіе гости испуганно переглянулись, а нѣкоторые такъ даже тихонько перекрестились, сплунувъ предварительно въ сторону на такое навожденіе дьявола.

— «Кстати», — продолжалъ венгерецъ рѣшительнымъ тономъ и обращаясь скорѣе вообще ко всѣмъ нежели къ кому нибудь въ особенности — «почему бы намъ не воспользоваться моимъ шаманомъ и не поstarаться съ его помощью распутать тайну этой драмы? Ну, а этотъ сибирякъ, — подозрѣваемый убійца, Иванъ, — что онъ все еще въ острогѣ?... Какъ!... прошло десять лѣтъ, и онъ все еще упирается?... Очень странно. Но теперь, мы скоро откроемъ всю истину... Господа! прошу васъ всѣхъ собраться сюда и выслушать мое предложеніе...» — И объяснивъ свой планъ, онъ пожелалъ узнать, одобряютъ ли гости его мысль.

Не дожидаясь впрочемъ отвѣта, онъ подошелъ къ шаману и началъ дѣлать надъ нимъ *пассы* даже и не испросивъ на то позволеніе хозяина дома. Николай Изверцовъ стоялъ словно приросъ къ землѣ, окаменѣвъ отъ ужаса, и неспособный произнести ни слова. Всѣ кромѣ него приняли предложеніе съ одобреніемъ, а полиціймейстеръ города П—, подполковникъ С., даже съ радостью. Онъ потиралъ руки, благодарилъ венгерца и побѣждалъ собирать публику...

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАПИЯ КРОВИ¹⁾.

(Разсказъ Іоакъ).

Въ продолженіе нѣкотораго времени докторъ ежедневно навѣщалъ своего пациента въ его собственномъ отелѣ, гдѣ тотъ оставался, пока не зажила рана, что впрочемъ послѣдовало весьма быстро и безъ малѣйшаго осложненія. За это время докторъ могъ убѣдиться, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не только умнымъ, но и серьезно образованнымъ, съ очень определенными взглядами на жизнь. Пациентъ его, кромѣ

¹⁾ См. № 1.

одного элемента на другой и съ какой первый элементъ снова приходитъ въ первоначальное состояніе (реставрируется).

— Дополненіе къ реферату о статьѣ Негген. Модслей высказалъ положеніе, что человѣкъ *безъ сознанія* можетъ быть такой же совершенной и интеллектуальной машиной, какъ и человѣкъ, *одаренный сознаніемъ*. Любопытный возмущился противъ этого заключенія. Но авторъ защищаетъ Модслея. По мнѣнію Герцена, сознательная жизнь души есть результатъ и слѣдствіе совершенства организаціи мозга. Сознательная жизнь есть переходная фаза отъ низшей къ высшей организаціи мозга; она доказываетъ, что „физиологія не обратилась еще въ морфологию“. Ограниченіе дѣятельности мозга исключительно безсознательными процессами (безсознательной автоматической дѣятельностью) станетъ возможнымъ только тогда, когда будетъ достигнута граница между познаваемымъ и непознаваемымъ (и когда, слѣд., нечего уже будетъ сознавать), или же когда мозгъ остановится въ своемъ развитіи на данной опредѣленной точкѣ, перешагнуть которую будетъ уже не въ состояніи (послѣднее условіе, по мнѣнію автора, имѣетъ мѣсто у животныхъ, которыхъ онъ такимъ образомъ считаетъ за автоматовъ). Что же касается до человѣка, то, по мнѣнію автора, ни одно изъ этихъ двухъ состояній для него недостижимо, ибо для этого потребовался бы періодъ времени, *задолго до истеченія котораго погаснетъ солнце, и органическая жизнь на землѣ прекратится*.

Дѣятельность мозга бываетъ до тѣхъ поръ автоматической, безсознательной, пока мозговой процессъ, переходя отъ одного элемента къ другому, не встрѣтитъ такого элемента, который представить ему на пути препятствіе, затормозить эту безсознательную передачу; процессъ снова обратится въ безсознательный, когда, путемъ частаго повторенія, будетъ „сформированъ путь“ и препятствіе устранено. Но само сознаніе тогда не прекращается, оно наполняется лишь представленіями высшаго порядка, въ то время какъ низшія представленія изъ него исчезаютъ. Безъ этого было бы невозможно духовное развитіе человѣка. У высокоразвитыхъ людей большинство мыслительныхъ процессовъ должно совершаться автоматически, безсознательно. (Allg. Zeitschr. für Psych. 1885. 3 Heft).

Предлагаемый рефератъ можетъ служить образцомъ отношенія психофизиологовъ къ тайнѣ мысли.

Краткія замѣтки.

— Послѣ долгаго промежутка времени, мы съ большимъ интересомъ прочли полученное нами письмо за подписью г-дъ Мерецкаго, Славутинскаго, Самойлова и Трифонова изъ села „Красныя горки“ (Костромской губ.), о дальнѣйшемъ развитіи медиумической силы на ихъ сеансахъ. Развитіе это на столько заслуживаетъ вниманія, что мы для новыхъ нашихъ читателей повторимъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе писемъ изъ Красныхъ горокъ. Въ первомъ изъ нихъ (№ 1 за 1884 г.) говорилось о сильномъ скептицизмѣ, съ которымъ члены кружка приступили къ опытамъ; затѣмъ указывалось на быстрое и постепенное развитіе силы, выразившееся на первыхъ же сеансахъ въ движеніи стола безъ прикосновенія къ нему и въ поднятій его на воздухъ. Во второмъ (№ 6 за 1884 г.) описывались разговоры съ помощію азбуки, при чемъ указано было на два замѣчательные факта: 1) Незримый дѣятель подробно и вполнѣ вѣрно сообщилъ о томъ, что въ ту минуту дѣлалось за двадцать верстъ отъ мѣста сеанса. 2) Участники сеанса разговаривали съ лицомъ живымъ во время его сна на разстояніи восьми верстъ отъ деревни „Красныя горки“. Въ третьемъ письмѣ (№ 1 за 1885 г.) сообщалось о наблюденіи надъ стуками, движеніемъ разной мебели безъ прикосновенія и, наконецъ о появленіи (когда свѣчи были потушены) свѣтящагося

облачка, принявшаго постепенно обликъ, подходящий къ очертанію руки.

Въ послѣднемъ, только что полученномъ нами письмѣ, говорится уже о наблюденіи полной матеріализаціи руки почти до плеча. Къ сожалѣнію описаніе этого явленія сдѣлано на столько кратко, что трудно уяснить себѣ всю обстановку, при которой наблюдали это интересное явленіе, почему мы и не приводимъ самое письмо, ожидая большихъ подробностей.

— На третьей электрической выставкѣ фирма Абакановича экспонируетъ сильный магнитъ для изслѣдованія гипнотическихъ явленій; опыты производятся надъ желающими изъ публики.

ПЕЩЕРА ОЗЕРКОВЪ.

Разсказъ «Радда-Бай»¹⁾

(Посвящается Н. А. Фадѣевоу).

VI.

Когда все было готово и гости столпились вокругъ магнетизера, онъ оглянулъ ихъ съ любезной улыбкой, какъ будто бы дѣло шло объ обыкновенномъ фокусѣ, *un jeu de société*.

— «Позвольте мнѣ, *mesdames et messieurs*, — началъ онъ, — измѣнить на этотъ разъ обычную программу и дѣйствовать иначе. Я намѣренъ употребить въ дѣло одинъ изъ способовъ средне-азиатской магіи. Во-первыхъ — этотъ способъ несравненно болѣе приличествуетъ дикости и запустѣнію этого мѣста нежели приемы обыкновенной, всѣмъ вамъ извѣстной магнетизаціи; а затѣмъ, — какъ вы сами въ томъ весьма скоро убѣдитесь, онъ гораздо дѣйствительнѣе нашихъ европейскихъ пассовъ.

И, не дожидая согласія, онъ сталъ вынимать изъ никогда не покидавшей его большой дорожной сумки разные, самаго страннаго вида предметы. Во-первыхъ, крошечный барабанъ и двѣ палочки изъ слоновой кости; затѣмъ, два хрустальные флакончика — одинъ полный какой то зеленоватой жидкости, другой пустой. Жидкостью изъ перваго онъ окропилъ шамана, который вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и закачался еще сильнѣе и ровнѣе прежняго. Воздухъ пещеры наполнился запахомъ пряностей, и самая атмосфера словно очистилась. Затѣмъ, къ неопisanному ужасу присутствующихъ и смущенію самого полиціймейстера, онъ спокойно подошелъ къ тибетцу, и вынувъ изъ за пазухи миниатюрный *стилеттъ*, пронзилъ имъ насквозь тощую руку шамана, по-ниже локтя и сталъ наполнять пустой флаконъ кровью, струившеюся изъ глубокой раны. Когда флаконъ былъ почти полонъ, онъ, зажавъ отверстіе ранки большимъ пальцемъ, остановилъ кровь съ такою же легкостью, какъ если бы это была не живая рука, а бутылка, которую онъ крѣпко закупорилъ пробкою; потомъ этою кровью обрызгалъ головку маленькаго Изверцова. Мальчикъ даже и не моргнулъ. Онъ стоялъ словно окаменѣлый возлѣ шамана и, казалось, ничего не видѣлъ. Оросивъ его горячей кровью, венгерецъ спрятавъ оба флакона въ мѣшокъ и, повѣсивъ маленький барабанъ къ себѣ на шею, началъ бить въ него двумя костяными палочками, покрытыми магическими формулами и каббалистическими знаками, выбивая нѣчто въ родѣ военной зори, чтобы «разбудить пещерныя силы», какъ онъ выразился.

Публика, полуотвращенная и полуустрешенная такими непривычными для нея приѣмами, обступила группу,

¹⁾ См. № 1.

центромъ и двигателемъ которой былъ иностранный графъ, и смотрѣла,—ожидая сама не зная чего—во всѣ глаза. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ величественной пещерѣ царствовала могильная тишина. Николай, съ лицомъ разлагающагося трупа и безумными глазами, стоялъ неподвижный и нѣмой. Магнетизеръ, приготовясь барабанить, вышелъ немного изъ круга и сталъ между шаманомъ и платформой.

Первые звуки на барабанчикѣ были до того нѣжны и глухи, что они не возбудили ни малѣйшаго отклика въ чуткомъ эхо; только шаманъ ускорилъ еще болѣе свое маятникообразное движеніе туловищемъ, да ребенокъ вздрогнулъ и казался встревоженнымъ. Тогда барабанщикъ присоединилъ къ еле слышной дробіи свой голосъ и началъ родъ цѣнія—медленное грустное и въ высшей степени торжественное...

Что произошло тогда, способенъ рассказать лишь очевидецъ. Списываю съ дневника присутствовавшей на этомъ памятномъ вечерѣ особы, давно умершей и вздрагивавшей до своего послѣдняго дня при одномъ воспоминаніи о той «ночи ужаса»!

VII.

...По мѣрѣ того какъ слова на неизвѣстномъ намъ языкѣ слетали съ устъ венгерскаго графа, пламя отъ свѣчей, факеловъ и лампъ стало приходить въ движеніе, развѣваться и словно плясать, пока оно не запылало совершенно подъ тактъ ритмическому цѣнію. Холодный, свистящій вѣтерокъ вдругъ подулъ изъ темныхъ корридоровъ со стороны воды, оставляя за собою жалобное, продолжительное эхо. Потомъ, всѣ замѣтили какъ изъ стѣнъ пещеры и окружающихъ озерко скалъ сталъ выходить будто туманный легкій паръ, похожій на медленно двигающееся облако. Эти пары являлись со всѣхъ сторонъ, ползли и соединялись въ одно у ногъ барабанщика. Затѣмъ, словно минувъ сапоги венгерца, «облако» подымалось выше, росло и собравшись вокругъ шамана и бѣднаго ребенка, укутывало обоихъ точно въ бѣлый саванъ... Окружая мальчика, оно тотчасъ же дѣлалось прозрачнымъ и серебристымъ, вокругъ же шамана оно становилось кроваво-багровымъ; горѣло какимъ то зловѣщимъ заревомъ...

Мы всѣ едва дышали, и ужасъ начиналъ завладѣвать даже многими изъ мужчинъ. Видимо, всѣ мы находились тоже подъ вліяніемъ чаръ и точно приросли къ своимъ мѣстамъ.

Заклинатель сдѣлалъ внезапное движеніе и однимъ прыжкомъ очутился на платформѣ возлѣ озера и прямо противъ корридора. Онъ вдругъ забарабанилъ съ такой силою, что эхо разомъ пробудилось и подхватило вызовъ съ поражающимъ результатомъ! Оно раскатывалось далеко и близко, стрѣляло словно изъ цѣлой батареи; одинъ выстрѣлъ слѣдовалъ за другимъ съ неумолкаемой, неуслѣдимой быстротою, все громче и громче, пока его гремѣющій ревъ не превратился въ хоръ какъ-бы тысячей голосовъ демоновъ, поднимающихся изъ бездоннаго колодца, вылетающихъ изъ черной пасти зіяющаго передъ нами темнаго корридора; насъ дѣйствительно оглушала «Чортова глотка», и мы находились въ присутствіи чего то невыразимо сверхъестественнаго и ужаснаго! Въ добавокъ ко всему, вѣчно неподвижная, гладкая какъ зеркало вода бассейна, вдругъ, безъ всякой видимой причины, сильно заволновалась. Будто мощный вихрь, пролетѣвъ, задѣлъ крыломъ по ея глад-

кой поверхности: спокойная вода въ шести-саженномъ въ діаметрѣ бассейна вдругъ превратилась минуты на двѣ въ бурливое сердитое море!

Еще напѣвъ, заклинанья и длинная дробь на магическомъ барабанѣ, и, казалось, самая гора совсѣмъ лѣсомъ и пещерами задрожали до самаго своего основанія отъ словно пушечныхъ выстрѣловъ, раздававшихся по темнымъ, далекимъ корридорамъ. Увидѣвъ, какъ неподвижное, будто окованное тѣло шамана вдругъ приподнялось аршина на два надъ своимъ мѣстомъ, и какъ было, съ поджатыми подъ себя ногами и закрытыми глазами, такъ и повисло въ воздухѣ, продолжая качаться маятникомъ взадъ и впередъ, съ нѣкоторыми дамами сдѣлалось дурно; но на нихъ никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія: въ это время случилось нѣчто еще болѣе страшное и необъяснимое. Мальчикъ, на глазахъ у всѣхъ, передъ сотней устремленныхъ на него любопытныхъ, хотя и полныхъ ужаса, взоромъ очевидцевъ, вдругъ сталъ видимо измѣняться... Эта трансформация ледянила кровь свидѣтелей, приковывала ихъ безпомощными къ ихъ мѣстамъ, шевелила въ нихъ мозги отъ нѣмага ужаса. Въ первую минуту всѣмъ показалось, будто и маленькій Изверцовъ тоже начинаетъ приподыматься и виснуть на воздухѣ. Но это было не такъ: его ноги не покидали скалы, на которой они стояли, и только тѣло его стало расти и вытягиваться будто природа желала чудодѣйственно пополнить работу нѣсколькихъ лѣтъ въ такое же число минутъ. Онъ сталъ высокимъ и широкоплечимъ, старообразнымъ, но дѣтскія черты вдругъ удлиннились, выровнялись, возмужали пропорціонально съ тѣломъ. Еще нѣсколько секундъ, и... дѣтское слабенькое тѣлице совершенно исчезло. Оно *впиталось всецѣло въ другое тѣло. въ совсѣмъ другую личность...* Къ ужасу всѣхъ насъ, кто когда знавалъ бывшаго хозяина «Озерковъ», эта *другая, стоявшая теперь передъ нами личность—была старикъ—Изверцовъ!*...

На его правомъ вискѣ зіяла широкая рана, изъ которой струилась тяжелыми каплями кровь. Привидѣніе двинулось прямо къ Николаю, и стало неподвижно передъ нимъ. Съ приподнятыми дыбомъ волосами и страшнымъ безуміемъ въ глазахъ онъ глядѣлъ на своего собственнаго сына, вдругъ превратившагося въ умершаго дядю. Тяжелое, мертвое молчаніе царившее уже нѣсколько минутъ вокругъ этой сцены, было теперь прервано венгерцемъ, обратившимся съ заклинаніемъ къ мальчику-привидѣнію.

— «Во имя Великаго Духа Истины, того, кому дана вся власть на землѣ» — произнесъ заклинитель медленнымъ, торжественнымъ голосомъ — «Отвѣчай намъ правду единую, святую правду... Духъ неспокойный и блуждающій, не въ свое время лишенный тѣла, скажи намъ какъ прекратилъ ты жизнь... Случайно-ль, или грѣховно былъ убитъ?»...

Уста привидѣнія зашевелились, и ротъ открылся; но за него отвѣчало зловѣщими и многократными повтореніями эхо: — «убить!... убить!... у-у-убить!...

— «Гдѣ? Какъ, и кѣмъ?» продолжалъ заклинитель. Привидѣніе подняло руку и указало на Николая Изверцова, устремивъ на него стеклянные неподвижные глаза. Затѣмъ, не переставая смотрѣть и указывать на него, призракъ не оборачиваясь, сталъ медленно, словно скользя по воздуху, направляться къ озеру, останавливаясь на мгновеніе какъ будто при каждомъ своемъ шагѣ. И словно влекомый невидимой, непреодолимой

силою, молодой Изверцовъ, дѣлая шагъ за шагомъ, приближался къ нему, пока наконецъ, достигнувъ озера, *призракъ* не сталъ скользить уже по его снова споконной и зеркальной поверхности. То была невообразимая безумно страшная сцена!...

Достигнувъ до парапета водяной, бездонной бездны, сильная судорога искажила черты преступника. Дрожа всѣмъ тѣломъ и бросаясь на одну изъ каменныхъ ступеней, дѣбляясь при этомъ отчаянно обѣими руками за скалы, съ пѣною у рта и дико блуждающими глазами, онъ внезапно испустилъ долгій пронзительный вопль ужаса. То былъ крикъ раненнаго на смерть животнаго, крикъ страха и низкой трусости... Призракъ стоялъ теперь неподвижно надъ темными водами и, слегка наклоняясь по направленію къ Николаю, манилъ его къ себѣ. Корчась въ припадкѣ невыразимаго страха, несчастный преступникъ оглашалъ всю пещеру своими пронзительными возгласами — «Не правда... нѣтъ, нѣтъ... не правда! я не убивалъ васъ.... не я.... то Ив...»

Вдругъ послышался на полусловѣ громкій всплескъ воды и явился второй: дѣтскій призракъ сына Изверцова, тонувшаго среди озера и дѣлающаго страшные усилия въ борьбѣ за свою бѣдную маленькую жизнь. Надъ этой борющейся жалкой фигуркою, стояло неподвижно грозное видѣніе и продолжало манить Николая...

— «Папа, папа!... спаси меня—я тоню!»... жалобно кричалъ тоненькій голосокъ, среди рева и грома не умолаемаго передразнивающаго эхо.

— «Мой сынъ... мой мальчикъ!»... завопилъ Николай обезумѣвшимъ голосомъ, вскакивая съ парапета — «мое дорогое, милое дитя! О, спасите, спасите его и возьмите мою преступную жизнь!... Да, я сознаюсь, сознаюсь, предъ богомъ и людьми... я убійца... Это я убилъ дядю... я, я!... Другой всплескъ воды и — *призракъ* внезапно исчезъ. Это исчезновеніе какъ бы разомъ разрушило чары: вся толпа гостей устремила съ крикомъ ужаса на помощь утопающихъ. Уже нѣсколько человѣкъ собирались броситься въ озеро, когда точно невидимая рука удержала ихъ, и они снова окаменѣли на своихъ мѣстахъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, среди кругообразныхъ, расширяющихся струекъ, безформенная, бѣловатая масса, держа убійцу и его мальчика-сына въ тѣсныхъ объятіяхъ тихо и медленно погружалась съ ними въ темныя воды бездоннаго озера...

На слѣдующее утро послѣ этого необычайнаго событія, когда послѣ безсонной ночи нѣкоторые изъ очевидцевъ посѣтили квартиру венгерскаго графа, то они нашли домъ пустымъ и запертымъ. Заклинатель безслѣдно исчезъ вмѣстѣ со своимъ шаманомъ. Многие изъ старожилъ г. П.— помнили это событіе еще въ 40-хъ годахъ; а бывший полиціймейстеръ подполковникъ С., умирая въ глубокой старости, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, объявилъ послѣ предсмертной исповѣди свое твердое убѣжденіе, что венгерскій путешественникъ былъ самымъ *чортомъ*!

Достойнымъ эпилогомъ этой страшной драмы, явился пожаръ, разрушившій въ ту же ночь старую дачу и всѣ принадлежащія къ ней постройки. Оставшіеся въ живыхъ Изверцовы на пепелищѣ «Озерковъ» въ пещерѣ «Эхо» отслужили нѣсколько молебновъ съ водосвятиемъ. Мѣстность же эта до сей поры въ глазахъ народа считается нечистой, проклятой.

Радда-Бай.

КАПЛЯ КРОВИ¹⁾.

(Разсказъ Іоакъ).

Вдернулъ и развязалъ ленту. Никто не могъ видѣть меня. Тутъ не было даже зеркала, взглянувъ въ которое, я могъ бы покраснѣть передъ самимъ собой. Я развернулъ одно письмо, потомъ другое, третье и такъ прочелъ ихъ всѣ, съ перваго до послѣдняго. Да, то былъ страшный для меня часъ. Но что-же было въ этихъ письмахъ? Самая низкая измѣна! Тотъ, кто писалъ ихъ, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей. И что за тонъ этихъ проклятыхъ писемъ? Какая любовь? Какая страсть? Какая увѣренность въ взаимности! Какіе низкіе, ловкіе совѣты какъ сохранить тайну, какъ лучше обмануть довѣрчиваго мужа! И всѣ эти письма были помѣчены числами послѣдующими за нашимъ бракомъ, когда я былъ такъ безумно-слѣпо счастливъ! Надо-ли говорить вамъ докторъ, что я перечувствовалъ. Вообразите опьяненіе, вызванное смертельнымъ ядомъ. И упивался же я этимъ ядомъ! Я перечелъ не разъ всѣ письма, съ перваго до послѣдняго, затѣмъ сложилъ, перевязалъ лентой, положилъ на старое мѣсто подъ кружева и заперъ ящикъ. Я зналъ, что если не поѣду за женой въ полдень, то она непременно вернется домой, рано вечеромъ—и не ошибся въ расчетѣ. Быстро выскочила она изъ коляски и бросилась ко мнѣ на шею. Я ждалъ ее на подъѣздѣ. Обнимая меня съ обычной нѣжностью, она казалось была невыразимо счастлива, вновь очутившись подлѣ меня. Я скрылъ терзавшія меня муки, и ни единый мускулъ лица моего не выдалъ меня. По обыкновенію мы много разговаривали, довольно поздно поужинали вдвоемъ, и наконецъ отправились каждый въ свою спальню. Я не сомкнулъ глазъ, считая не только часы, но каждое біеніе собственнаго сердца. Пробыло четверть перваго, я всталъ и прошелъ въ ея комнату. Чудная бѣлокурая головка покоилась мирнымъ сномъ, выступая на яркой бѣлизнѣ подушекъ. Такими рисуютъ ангеловъ посреди облаковъ. О какая гнусная ложь природы! думалъ я. Порокъ, прикрытый чертами такой божественной красоты и невинности. Я чувствовалъ себя непоколебимымъ, принявъ рѣшеніе съ упорствомъ безумца, страдающаго меланхоліей. Ядъ отравилъ и снѣдалъ мнѣ душу. Потихоньку, осторожно, чтобы не разбудить ее, положилъ я ей, правую руку на горло и крѣпко стиснулъ его. На одну минуту широко, съ удивленіемъ, открыла она свои чудные голубые глаза и кротко посмотрѣла на меня. Еще минута, и она закрыла ихъ на вѣки. Она умерла не защищаясь, не противясь мнѣ, также покойно, какъ будто заснула. Никогда не сердясь на меня при жизни, она не выказала ни малѣйшаго неудовольствія даже въ то время, когда я убивалъ ее. Только одна, единственная капля крови выступила у нее на губахъ и упала мнѣ на руку. На какое именно мѣсто—вы знаете докторъ! Но я не замѣтилъ ее до слѣдующаго утра, такъ что она и застыла у меня на рукѣ.

Жену похоронили безъ малѣйшаго подозрѣнія, на счетъ истинной причины ея смерти. Да и кто бы сталъ провѣрять меня, я жилъ въ такой глуши... У нея не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, кто бы могъ, заподозрѣвъ внезапность смерти, обратиться ко мнѣ съ вопросами. А я нарочно замедлилъ отправить письма, извѣ-

¹⁾ См. № 2.